

„Socialistisches Vestnik“
„Le Courrier Socialiste“
„Der Sozialistische Bote“

REVUE BIMENSUELLE

Prix — 3 frs

Organe Central du Parti
Socialdémocrate Russe
141, rue Broca (bât. 11)
PARIS (13e)

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центральный Орган Российск. Социал-Демократ. Рабочей Партии

Основан Л. МАРТОВЫМ. Выходит 2 раза в месяц.

№ 20 (400)

17-й г. издания

Подписная плата для Франции: в год 80 фр., на ½ г. — 40 фр., на ¼ г. — 20 фр., отд. номер — 3 фр., двойной номер — 5 фр.; для остальных стран: на год — 6 долларов; на ½ г. — 3 доллара, на ¼ г. — 1.5 долл. За перем. адр. — 1 фр. Конт. и ред.: 11, Square Albin Cachot (141, г. Broca), Paris XIII. Тел.: Port-Royal 05-25
Chèques Postaux «Le Courrier Socialiste» — 359.84 Paris
Присл по делам ред.: по понед., средам и пятницам, от 11—1 ч.

30 Октября 1937 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Передовая: 12-е или 2-е декабря?

Ф. Дан. Двадцатилетие диктатуры.

С. Шварц. Жилищная реформа.

Ю. Осокин. Политический турнир в Лондоне.

К падению Гихона (воззвание Рабочих Интернационалов).

К похищению т. Марка Рейна.

Фельетон: Р. Абрамович. Советская

Партийная трибуна: В. И. Еще несколько слов.

За границей: Кантональные выборы во Франции. — Съезд Бельгийской Рабочей Партии.

По России: Сумерки Совнаркома СССР.

Издания, поступившие в редакцию.

Россия и пролетарское единство.

12-е или 2-е декабря?

После бесконечных проволочек, обусловленных целым рядом причин — от высоких государственных собраний до отсутствия нужной бумаги и искаченности типографского оборудования — день выборов, наконец, назначен: 12 декабря.

Каждый гражданин — избиратель Советского Союза — за исключением пребывающих в заключении, карательном или предварительном, и в концлагерях — получит к этому дню два бюллетеня: один для выборов в Совет Союза, другой *) для выборов в Совет Национальностей (оба Совета совместно составляют Верховный Совет), и в каждом бюллетене найдет два столбца, на одном из которых будут отпечатаны имена и фамилии кандидатов, выставленных в данном избирательном округе, на другом — указание, кем именно, т. е. какою партией, профессиональною или «общественною» организацией, данный кандидат выставлен. Избирателю останется лишь вычеркнуть всех кандидатов списка за исключением того одного, за которого он хочет подать свой голос, положить бюллетень в конверт и опустить этот конверт в избирательную урну.

Список внесенных в бюллетень кандидатов заранее ограничивает круг лиц, которые могут войти в Верховный Совет в качестве «народных избранников». Вносить в бюллетени новых, «своих» кандидатов избиратели права не имеют: внесенные в таком порядке самочинные кандидатуры будут считаться недействительными

и делать недействительным весь избирательный бюллетень. Понятно поэтому, какое решающее значение имеет для всего хода и исхода выборов объявленная с 12 октября «избирательная кампания», основное содержание которой и будет заключаться в составлении списка кандидатов.

Характер тех организаций, которым предоставляется право выставления кандидатур, как и характер обсуждения и голосования (открытого!) этих кандидатур заранее предрешают, что в списке этом смогут красоваться лишь «сталинцы», партийные и «беспартийные», или, точнее, лица, заявившие себя стопроцентными «сталинцами». Список будет таким образом политическим однородным. «Сталинская» конституция и еще больше «сталинское» положение о выборах не дают советскому избирателю свободы выборов политической программы или платформы, они дают ему лишь — и то в узких пределах — свободу распределения своих симпатий между организациями, имеющими право выставлять кандидатов, и свободу оценки личности самих кандидатов; они целиком направлены к тому, чтобы лишить предстоящие выборы значения важнейшего акта политического самоопределения советских граждан и превратить их в парадный «сталинский» плебисцит.

Но именно поэтому, как мы уже не раз говорили, сколь безнадежной ни казалась бы борьба за «вольные» кандидатуры с точки зрения ее непосредственных практических результатов, и как бы скромны ни были возможные формы и размах ее, са-

*) В так наз. автономных национальных республиках и национальных округах — два других.

момалейшие проблески ее будут иметь большое историческое значение: бросая семена — пусть только семена! — политической активности и политического сплочения масс, они будут заранее обеспечивать победу плебисцита, как бы «блестяща» она по внешности ни была, и заранее готовить элементы будущей борьбы против его результатов в случае — разумеется, более чем вероятной! — его победы. И никто, конечно, не может заранее учесть ни количества тех семян политической активности, которые будут брошены таким образом в толщу трудящихся масс, ни обилия и исторической ценности тех ростков, которые они дадут, ни времени, когда сможет быть собрана политическая жатва этого посева.

Как мы тоже имели уже случай говорить, чем неудачнее окажутся непосредственно — практические результаты борьбы трудящихся масс за «свои» кандидатуры в обстановке «тоталитарного» террора, тем более сама неудача эта будет вызывать у масс, лишенных возможности воспользоваться выборами для положительного заявления своей политической воли (или, по крайней мере, у политически передового слоя этих масс), желание воспользоваться ими хотя бы для протеста против «тоталитарного» режима сталинской диктатуры и ее плебисцитарного «увенчания».

Этот протест может быть выражен тройным образом.

Можно попросту не участвовать в выборах, бойкотировать их, извести «на цыгарки» свой избирательный бюллетень; и можно думать, что в довольно широких кругах трудящихся, зажатых в тиски всеческими опекунами и командирами и теряющих веру в возможность вырваться из этих тисков, инстинктивно возникнет стремление махнуть на выборы рукой. Но, не говоря уже о практически — опасных последствиях такого образа действий для избирателей, сколько-нибудь взятых «на заметку» (ведь, в списках избирателей будет отмечаться выполнение каждым из них «гражданского долга!»), его политически-вредная сторона заключается в том, что он не только не пробивает брешь в политической пассивности разочарованных и обескураженных масс, но, наоборот, именно эту пассивность, основную опору «тоталитарной» сталинской диктатуры, и укрепляет.

Можно выразить свой протест на выборах и тем, чтобы вписать в бюллетень «своего» кандидата, превращая тем самым, как уже сказано, самый бюллетень в недействительный. Но этот метод, к которому кое-где, быть может, тоже будут прибегать политически неискушенные круги трудящихся, лишь выдавал бы Ежовской охранке с головою как раз тех передовых рабочих и крестьян, в которых трудящиеся массы видят представителей своих интересов, в противоположность интересам плебисцитарной диктатуры, и своих возможных руководителей в предстоящей им тяжелой борьбе.

Единственно рациональным в наличных условиях и потому, надо думать, чисто стихийно и наиболее часто

применяемым методом протеста окажется поэтому вычеркивание всех до единой «сталинских» кандидатур — за исключением, разумеется, тех случаев, когда, и вопреки обязательной «сталинской» личине того или иного кандидата, трудящиеся избиратели будут иметь основание рассчитывать на его преданность их делу.

Пусть не говорят нам, что мы вращаемся в мире иллюзий! Никаких иллюзий мы не питаем. Мы знаем, как малы и неорганизованы те силы, которые могут взять на себя задачу хотя бы такого скромного оформления стихийно назревающего в трудящихся массах протеста против условий, которые создает для них «тоталитарная» сталинская диктатура на 21-м году революции. Мы знаем, что за работу эту могут взяться лишь рассеянные в трудящихся массах передовые одиночки. Мы знаем, что «агитацию» свою (если это можно назвать агитацией!) им придется вести под сурдинку, опасаясь и в каждой беседе «с глазу на глаз» провокации и предательства. Мы знаем, наконец, что и о самом успехе их работы, если он будет сколько-нибудь заметным, станет, вероятно, известно лишь из трудов будущих историков.

Все это не должно и не может обескураживать тех передовых рабочих и крестьян, которые задумываются о судьбах своего класса. Если выраженный в перечеркнутых и потому недействительных бюллетенях протест окажется сколько-нибудь внушительным, мы, быть может, еще долго о нем ничего не узнаем; но о нем узнают сейчас-же и почувствуют как тяжелый удар и сам диктатор, и его «аппарат», опираясь на который он только и может диктаторствовать. И то будет первый политический удар по рукам зарывающейся диктатуре, первая брешь в воздвигаемой плебисцитарной системе при самом начале ее оформления, и конечные политические последствия этого удара и этой бреши в той тревожной, неустойчивой и полной самых необозримых перспектив исторической ситуации, которую переживает и Советский Союз, и весь мир, могут быть неисчислимы...

В своем известном памфлете Маркс назвал 2 декабря 1851 года, день плебисцитарного переворота Наполеона III, «18 Брюмера Луи Бонапарта». В Советском Союзе стоит теперь вопрос: превратится-ли 12 декабря, день выборов, во «2 декабря Иосифа Сталина». Будущее даст скоро ответ на этот вопрос. Но каков бы этот ответ ни был, как история Франции не кончилась «18 Брюмера» маленького Наполеона, так история советской страны не кончится «2 декабря» нашего доморожденного «гения». И в свете этой истории каждый рабоче-крестьянский голос, который на вопрос: должно-ли 12 декабря стать сталинским 2 декабря? — ответит «нет», будет весить на политических весах больше, чем тысячи сталинопоислушных голосов, которые с равнодушием-ли во всем изверившегося отчаяния, с наигранным-ли энтузиазмом крикнут по команде — «да»!

Ф. ДАН.

Двадцатилетие диктатуры

Советская печать усердно подготавливает страну к торжественному празднованию 20-летия «октября». Большевицкий режим, как впрочем и все «тоталитарные» режимы в мире, великий мастер на устройство эффектных зрелищ, пышных парадов и грандиозных манифестаций. И надо думать, что именно в этом году, когда «юбилейная» годовщина сплетается с прославлением

«великой сталинской конституции», организация празднования будет из ряда вон внушительной и блестящей. Но никакое великолепие не сможет заставить ни вольных или подневольных участников празднества, ни те миллионы пролетариев всех стран, которые наблюдают его со стороны, заглушить в себе чувство величайшей и все возрастающей тревоги, вызываемой явным и глу-

боким кризисом «юбиляра», который так трагически подчеркивается волной крови и грязи, все выше захлестывающей советскую страну, все неумолимее поглощающей, одно за другим, всех делателей и строителей торжественно чествуемого «октября», все настойчивее ставящей вопрос, что собственно справляется: юбилей или похороны?

20-летие октября — не 20-летие революции. Великая русская революция родилась не в октябре-ноябре, а в феврале-марте 1917 года. 20-летие октября — это лишь 20-летие большевистской диктатуры. «Октябрь», отметивший рождение этой диктатуры, оказался исторически обусловленным и потому неизбежным фазисом единого революционного процесса, как большевистская диктатура исторически обусловленной и потому неизбежной формой революционной власти, возглавившей этот процесс и руководившей осуществлением исторических задач революции. Не понимать или забывать об этом, объявлять «октябрь» началом контр-революции и звать «назад к февралю» значило бы отрицать все действительное содержание и весь действительный ход революции, противопоставлять себя ей и таким образом самому становиться на деле на почву контр-революции.

Но ошибку, не менее роковую с точки зрения защиты и русской революции, и интересов мирового рабочего движения, делают и те социалисты, которые, под предлогом «неделимости революции» (Э. Вандервельде), закрывают глаза на особые исторические условия, сделавшие неизбежным возникновение большевистской диктатуры, но и определившие ее специфический характер и ее эволюцию, создавшую через 20 лет положение, при котором она вынуждена сама обрубить топором палача свои «октябрьские» корни. Это ошибка роковая, потому что неудержимо нарастающее отвращение широчайших трудящихся масс всего мира к сталинской ипостаси большевистской диктатуры она грозит превратить в разочарование их в тех великих обетованиях, которые русская революция несла и еще несет не только народам Советского Союза, но и всему человечеству.

Большевистская диктатура не возникла, как зрелый плод социально-политического творчества и самостоятельности трудящихся масс, впервые в истории совершающих свою революцию с ясным сознанием, «о чем идет речь» (Энгельс). Нет, в обстановке военной разрухи, в экономически отсталой стране, но в эпоху назревающего и неизлечимого кризиса всей мировой капиталистической системы, эта диктатура родилась, как некая «сторонняя» сила, которой трудящиеся массы, целиком поглощенные стихийно - революционным разрешением наиболее близких им частных и местных задач, «передоверили», именно в силу своей социально-политической незрелости, разрешение задач обще-государственного и мирового значения.

Именно поэтому большевистская диктатура была «пролетарской диктатурой» лишь в том смысле, что носителем ее стала одна из пролетарских партий, но никогда не была и не могла быть «диктатурой пролетариата» в том смысле, как эту диктатуру понимал и понимает марксистский социализм. Именно поэтому большевистская диктатура в самом ходе революции все больше превращалась в самодовлеющую социальную силу, которая, и являясь исторической исполнительницей велений революционного прогресса, все больше накладывала на выполнение этих велений печать своих собственных специфических интересов, все больше расходившихся с подлинными интересами революции и совершивших ее классов. И именно поэтому, отмечая исторические даты революции, приходилось, чем позже, тем с большею определенностью констатировать, как самый характерный элемент социально-поли-

тического развития революции, все расширяющийся раствор «ножниц» между диктатурой и вознесшими ее некогда революционными классами, между тенденциями, носителем которых она все больше становится, и теми тенденциями, которые присущи русской революции в силу исторических условий ее возникновения и течения. Приходится, словом, констатировать, — и как очевидно это именно теперь, к двадцатой годовщине диктатуры! — что из движущего фактора социально-революционного развития в Советском Союзе и во всем мире, большевистская диктатура все больше превращается в тормаз этого развития.

Конечно, в реальности грешной земли никакое развитие, в том числе и развитие большевистской диктатуры, не совершается с математической прямолинейностью, однозначностью и одновременностью. История хотя бы Наполеоновской монархии учит нас, что, и став уже законченным выражением контр-революции внутри страны, определенная политическая формация может еще долго играть революционизирующую роль во внешнем мире. И во сколько-же больше раз приходится не упускать из виду этого возможного противоречия между внутренне- и внешне-политическими аспектами, когда речь идет о власти, выросшей из революции, которая возникла в эпоху, когда все концы земного шара связаны между собою бесконечно более тесными и интимными узами, чем то было полтора века тому назад, которая таит в себе перспективы и возможности, бесконечно более грандиозные, чем таила революция 18-го века, и которая играет в судьбах мирового пролетариата и социализма роль, бесконечно более решающую, чем играла ее французская предшественница в судьбах мировой буржуазии и капитализма! Все это, разумеется, должно учитываться при разрешении тех конкретных политических проблем, которые каждый день ставит перед нами быстротекущая жизнь. Но пролетарский социализм не сможет даже приступить к разрешению этих проблем, не сможет защищать интересов и великих возможностей русской революции, не сможет сохранить трудящимся массам всего мира веру в эти возможности, если не будет исходить из того основного факта, каким является прогрессирующее расхождение между интересами и тенденциями зажившей диктатуры и интересами и тенденциями трудящихся классов, совершивших революцию.

До поры до времени это расхождение не лишало большевистскую диктатуру возможности продолжать свою роль носительницы и возглавительницы революционного прогресса и даже осуществлять этот прогресс темпами, доступными лишь «тоталитарной» власти, — все равно, будет ли олицетворена эта власть Петром Великим или Сталиным. Оно давало себя знать лишь в том, что прогресс этот осуществлялся в формах, все грубее нарушавших интересы трудящихся масс, все дороже оплачиваемых их достоянием и кровью, все глубже проводивших борозду между ними и ими-же выдвинутой властью, все дальше толкавших самое диктатуру по пути вырождения и всем этим бросавших в революционную почву все более обильные семена возможной контр-революции.

Но теперь расхождение между диктатурой и трудящимися классами достигает такой остроты, которая самой полярною напряженностью рождаемых ею противоречий свидетельствует о том, что роль диктатуры как носительницы революционного прогресса, хотя бы и в самых варварских и искаженных формах, окончательно сыграна, что в ходе русской революции наступает новая эпоха, в которой диктатура сможет бороться за самосохранение, лишь все более определенно и резко противопоставляя себя революции и совершившим ее трудящимся массам, лишь все более отчетливо принимая социально - политическое обличье контр-революцион-

ного бонапартизма. Эта эпоха наступает потому, что коренные задачи революции, и разрушительные, и хозяйственно-творческие, так или иначе осуществлены, что теперь идет речь о новом периоде, когда в порядке дня ставится органическая переработка, «освоение» всех грандиозных завоеваний революции, возведение политической «надстройки», которая — если только шквал войн и революций в других странах не сделает развитие снова бурно - катастрофическим, — на годы, быть может, на десятилетия предопределяет с о ц и а л ь н ы е итоги революции а вместе с тем и судьбы совершивших ее трудящихся масс, и ее дальнейшую роль в назревающей решительной борьбе между мировым социализмом и фашистски преобразующимся мировым капитализмом.

Немногим более года тому назад я имел случай (в серии статей о «путях возрождения») характеризовать те тенденции развития, носительницей которых все больше становится выродившаяся в сталинское единовластие большевистская диктатура: конечное торжество этих тенденций привело бы к установлению в Советском Союзе бонапартистско - фашистского режима со всеми его социально - экономическими последствиями — государственно - капиталистическим оформлением национализированного хозяйства и, вероятно, даже возрождением значительного частного - капиталистического хозяйственного сектора, особо обездоленностью именно рабочего класса, как в смысле материальных условий его существования, так и в смысле возможности организованной борьбы за повышение своего жизненного уровня, и т. п.

Но развитие этих бонапартистско - фашистских тенденций «до победного конца» отнюдь не предрешено фаталистически. В той-же серии статей я подчеркивал наличие в советской действительности и тенденций совершенно противоположного порядка, глубоко заложен-

ных в самых условиях возникновения и развития русской революции. В передовой «к 20-летию революции» наш журнал (№ 5) совсем недавно подробно характеризовал те факторы, на которые может опираться социально-революционное разрешение переживаемого советским режимом кризиса, и здесь достаточно лишь вкратце напомнить о главнейших из них. Это — «кризисный» характер нашей эпохи, сосредоточение гигантских производительных сил в руках государства, их концентрация и механизация не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве; это — исчезновение старых господствующих классов и вытекающая отсюда необходимость и для вырождающейся диктатуры черпать человеческий материал для своего аппарата в глубинах трудящихся масс, «чистить» и обновлять этот аппарат при каждом новом шаге на пути к своей «бонапартизации» и при каждой новой чистке и обновлении его неизбежно обращаться все к тому-же народно-массовому источнику, вливающему таким образом в самый аппарат свои массовые настроения и подмывающему устойчивость той аппаратной скалы, на которой только и может быть прочно воздвигнуто здание бонапартистской контр-революции; это — колоссально поднявшийся уровень социально - политического сознания и культуры масс и т. д.

Борьбой между этими двумя тенденциями развития и характеризуется завершительный период русской революции. И особенность нынешнего октябрьского «юбилея» в том и состоит, что он справляется в момент, когда бонапартистская тенденция, олицетворенная большевистской диктатурой, самым ходом событий вынуждена дать тенденции социально - революционной, могущей найти своего выразителя лишь в организованном и обеими ногами стоящем на почве завоеваний революции движении трудящихся масс, решительный бой,

Р. АБРАМОВИЧ.

Советская Россия и пролетарское единство

Ровно три года тому назад («С. В.», 10 ноября 1934 года, № 21) мы писали:

«Трудно заниматься предсказаниями в нынешней Европе, в столь сильной степени утеревшей свою былую стабильность. Но насколько вообще можно предвидеть ближайшее будущее, единый фронт ...не имеет никаких шансов в сколько нибудь близком будущем стать господствующей практикой европейского рабочего движения».

Предвидение это сбылось, к сожалению, в еще большей степени, чем этого можно было ожидать. Ибо за это время, в особенности за последний год-полтора, международная атмосфера вокруг вопроса о пролетарском единстве резко и катастрофически изменилась к худшему. И этого общего ухудшения не может изменить или ослабить тот факт, что как раз за последний год создалась — помимо Франции — еще одна территория практического применения единого фронта: Испания.

И как это ни покажется парадоксальным, вопрос о едином фронте — и о пролетарском единстве вообще — вступает в особенно критический период именно потому, что и во Франции и в Испании практика единого фронта доведена до крайних пределов и фактически уперлась в вопрос о полном единстве, т. е. о слиянии обеих рабочих партий в одну организацию.

Тактика сторонников единства в Европе, — и тактика, как мы увидим, весьма ошибочная и губительная, — сводилась до сих пор к тому, чтобы «помогать» созданию атмосферы единства и установлению дружественных отношений с местными коммунистами (в интересах «бережения единства») путем отказа от всякой критики большевизма и советского правительства.

Со времени великого мирового кризиса, потрясшего в 1930-33 гг. капиталистический мир с невероятной, небывалой дотоле силой и создавшего в самых широких массах впечатление полной гибели и всестороннего банкротства капиталистической системы; после гибели Веймарской Германии и победы — в самой передовой капиталистической стране Европы — гитлеровского фашизма, вызвавшей глубокое разочарование в методах демократии в среде европейского и мирового социализма, — в результате этих двух великих потрясений (социально - экономического и политическо - психологического), пережитых мировым рабочим классом в начале 30-х годов нашего века, создалась психологическая атмосфера, необычайно благоприятная не только для восприятия отвлеченных идей и принципов большевизма, но и для чрезвычайно положительно-

ареной которого и должна служить «сталинская конституция».

В этом — смысл неразрывного сплетения «юбилея» с прославлением новой конституции. В этом — причина, почему сталинская диктатура мобилизует к предстоящим выборам все свои силы и самый «юбилей» превращает лишь в один из самых эффектных и оглушительных актов своей «избирательной кампании», подготовляющей на деле бонапартистские похороны революции. С точки зрения революции, социализма, трудящихся масс Советского Союза и всего мира 20-летие «октября» оказалось бы подлинным юбилеем лишь в том случае, если бы, в рамках общей предвыборной борьбы, оно дало лишний толчок мобилизации трудящихся масс во имя подготовки демократических похорон бонапартизма...

С. ШВАРЦ.

Жилищная реформа

Избирательная кампания официально открыта, и вся советская печать все энергичнее настраивается на панегирический лад. Одного большого и большого вопроса газеты пытаются однако по возможности не касаться — вопроса жилищного. Но вот 18-го октября от этого воздержания пришлось отказаться. В связи с опубликованием в этот день пространного постановления ЦИК и СНК СССР «о сохранении жилищного фонда и улучшении жилищного хозяйства в городах» большие советские газеты вынуждены были посвятить свои передовицы «сталинской заботе об улучшении жилищных условий трудящихся».

Тон задала, конечно, «Правда»: «Жилищные условия

рабочих СССР неизмеримо лучше, чем в дореволюционной России и любой капиталистической стране». Верно, что сейчас значительная часть, может быть, значительное большинство рабочих живет в лучших условиях, чем в дореволюционной России, но о неизмеримо лучших условиях можно говорить разве лишь для очень небольшой части пролетариата; и, с другой стороны, еще сотни тысяч, если не миллионы рабочих и сейчас еще, через 20 лет после начала революции, через 17 лет после окончания гражданской войны живут в условиях исключительно тяжелых. Но «неизмеримо лучше», чем во Франции или Англии, Соед. Штатах или Германии, не говоря уже о Голландии или Дании, Швеции или Финляндии?! Ведь жилищная обстановка, в которой живет средний рабочий в этих странах, должна казаться почти недостижимым идеалом среднему русскому рабочему. Вот совсем почти на днях «Труд» (от 3-го октября) отметил, как громадное будто бы достижение, что по данным обследования 1935 года среди жильцов новых домов занимали отдельную квартиру или комнату в Москве 93%, в Ленинграде 86%, в прочих городах 94%, что в старых домах живут в отдельных квартирах или комнатах 70% жильцов этих домов. К сожалению, в статье «Труда» предусмотрительно не сообщается, как распределяется население между новыми и старыми домами и в частности, как велик % рабочих, обеспеченных жилищем в новых домах. Но дело даже не в этом; в любой стране Запада самая эта постановка вопроса была бы немислима: «отдельная квартира или комната» для семьи, как мерило жилищного благополучия. У нас же даже в новых домах оказывается немало семей, не имеющих для себя даже одной комнаты, а в старых домах в этих варварских условиях живет, оказывается, еще 30% населения этих домов.

Рабочие Советского Союза, если верить «Правде», не

го и благожелательного отношения к завоеваниям и достижениям большевистской революции в России.

Ибо эпоха разочарования в возможностях капитализма и внутренних силах демократии совпала с моментом чрезвычайно импозантных и крупных успехов, достигнутых в Сов. России на основе социалистического строительства и под руководством диктатуры.

Если эксперимент социально окрашенной демократии, начавшийся в Германии под владичеством социал-демократического пролетариата, столь плачевно закончился победой гитлеризма; если, стало быть, попытка воспрепятствовать возвращению побежденных революцией классов и удержать гегемонию трудящихся при помощи демократических методов привела, не только в Германии, но и в Австрии, к банкротству, — то откуда сторонникам демократического социализма взять прежнюю уверенность в превосходстве демократии над диктатурой? Как может еще сохраниться у них пафос борьбы против диктаторской, деспотической разновидности социализма, которая на русском опыте доказала, что она не только смогла разрушить господствующие классы, но и в течение долгого периода и до сегодняшнего дня удерживать в руках — и даже расширить — все завоеванные позиции, не уступая ни пяди побежденным классам?

Если в странах капитализма рост производительных сил, столь бурно пошедший вверх после войны и обещавший как бы вечное «просперити», — живым символом и воплощением которого стали Соед. Штаты, — так трагически и неожиданно был оборван кризисом, стремительно погрузившим в пропасть диаграмму мирового производства и фактически разрушившим мировой рынок, то как было не преклониться перед страной, ко-

торая, в самых ужасных и неблагоприятных условиях отсталости и разорения, сумела на основе планового хозяйства и «пятилеток» сказочно быстрым темпом и в небывалом объеме увеличить свои производительные силы?

Если попытка реформистской эволюции капиталистического общества уткнулась в катастрофу мирового кризиса с десятками миллионов безработных во всем мире и массовым обнищанием, — то у какого социалиста, и даже просто социально мыслящего человека мог бы повернуться язык для критики страны, в которой безработица отменена навсегда, а кризисы невозможны?

Ощущение собственной слабости, пониженное самочувствие в результате понесенных поражений на стороне социал-демократии; необычайный рост престижа Советской России и большевизма, — таково было взаимоотношение демократического и диктаторского социализма в годы 1933-34.

Точно по уговору со страниц мировой социалистической печати, за крайне редкими исключениями, исчезла всякая критика большевизма и Сов. России. Не только лево-социалистические партии, ориентировавшиеся на соглашение с русской революцией и коммунистическими партиями, но и многие определенно право настроенные социал-демократические партии прекратили на деле всякую идейную борьбу против теории и практики русского большевизма. То была поистине пора внутренней морально-политической и идеологической капитуляции мирового социализма перед русским и мировым большевизмом.

Этот процесс на первых порах задерживался благодаря основанной на теории «социал-фашизма», совер-

только пользуются «неизмеримо лучшими» жилищными условиями, чем рабочие Запада, но имеют и еще одно громадное преимущество: «в СССР расходы на жилище составляют 4,3% бюджета рабочей семьи, в то время как в капиталистических странах эти расходы отнимают 20-30% бюджета рабочих».

Это старая сказка, в основе которой лежит довольно-таки грубый статистический трюк. Под расходом на жилище в СССР понимается, в противоположность Западу, лишь плата за «жилплощадь» в тесном смысле, не считая платы за воду, канализацию и тем более за освещение или отопление, да и этот расход нередко показывается преуменьшенным. Между тем как раз для лиц с низким заработком плата за воду, канализацию и прочие так называемые коммунальные услуги оказывается относительно особенно высокой, так как в противоположность плате за жилплощадь, исчисляемой по так наз. «классовому признаку» (по заработку), расходы на коммунальные услуги разверстываются обычно между всеми жильцами дома по числу занимаемых ими комнат или даже подушно. И таким образом как раз в бюджете рабочих с низким заработком совокупный расход на жилище, включая и коммунальные услуги и отопление, оказывается нередко относительно особенно высоким.

Впрочем и для Запада «от 20 до 30%» это отнюдь не общее правило. Приведем из недавно вышедшего «Ежегодника статистики труда на 1937 г. (изд. Международного Бюро Труда) несколько цифр. Расход на квартиру, включая и отопление и освещение (и, конечно, и расход на воду и пр.), составлял, по бюджетным исследованиям, в семьях рабочих или рабочих и служащих:

в Австрии (1934 г.)	17,7%
« Бельгии (1928/29 г.)	14,0%
« Германии (1927/28 г.)	17,9%
« Дании (1931 г.)	23,6%

шенно бессмысленной и явно нелепой тактике Коминтерна (т. е. Москвы), которая в Германии в немалой степени способствовала победе гитлеризма. Но во второй половине 1934 года Коминтерн, с одной стороны, под влиянием благоприятной международной обстановки, описанной нами выше, с другой стороны, толкаемый национально - государственными интересами советского правительства, нуждавшегося в поддержке западноевропейских буржуазных демократий в борьбе против гитлеровской агрессии, — резко и на 180 градусов переменял свою прежнюю тактику. Ставший на почву защиты демократической государственности в странах капитализма, опирающийся на могущественный престиж Советского Союза, коммунизм стал приемлемым и желанным для социалистов контрагентом в тех европейских странах, в которых нарастала угроза фашизма и реакции.

Создался «единый фронт» во Франции, который в кратчайший срок привел к образованию Народного Фронта и министерства Леона Блюма. В Саарской области и Австрии, в Испании и итальянской эмиграции, в некоторых организациях молодежи возникли попытки единого фронта, ориентирующиеся на блестящий французский пример. В головах многих теоретиков левого социализма поворот в тактике Коминтерна и неоспоримые успехи единого фронта претворились в широкую концепцию новой эпохи в развитии рабочего движения. В их представлении территория единого фронта должна была все больше расширяться, охватывая одну страну за другой, а самая тактика единого фронта должна была быстро эволюционировать в сторону «органического единства», т. е. в сторону организационного

« Швеции (1933 г.)	21,8%
« Норвегии (1927/28 г.)	19,2%
« Финляндии (1928 г.)	20,7%
« Латвии (1927/28 г.)	15,0%
« Польше (1929 г.)	12,3%
« Чехословакии (1929/30 г.)	14,7%

В Советском Союзе бюджетные исследования производятся уже давно из года в год, но результаты их в последние годы либо остаются засекреченными, либо печатаются в таком неполном и отрывочном виде, что сколько-либо серьезное сопоставление их с западными бюджетными данными оказывается невозможным. Но вот если мы обратимся к последнему статистическому сборнику, в котором еще были опубликованы более или менее полные данные о результатах бюджетных исследований, — к статистическому справочнику под ред. Бинемана «Труд в СССР», изд. ЦУНХУ, Москва-Ленинград, 1932 г., — картина получится гораздо менее благоприятная, чем можно судить по «4,3%» «Правды»:

Расход на помещение (т. е. плата за жилплощадь в тесном смысле) составлял у семейных рабочих в 1930 году 6,1% расходного бюджета, кроме того расход на топливо и осветительные материалы 2,1%; итого 8,2%; и это еще не считая оплаты коммунальных услуг. В первой половине 1931 г. (это последние данные сборника) соответственные данные 6,1 и 2,7%, всего 8,8%. В бюджетах семейных служащих соответственный расход составлял:

в 1930 г. 7,4 и 3,3%, всего 10,7%;
в первой половине 1931 г. 6,8 и 3,9%, всего 10,7%.

Советские статистики однажды попытались исчислить расход на квартиру в бюджетах рабочих и служащих Советского Союза в соответствии с тем, как это делается на Западе. Попытка эта была сделана Поляком и Бинеманом, руководящими (тогда) работниками экономико - статистического сектора Госплана, в до-

слияния обоих крыльев рабочего движения в одну единую рабочую партию по методу «металлического сплава» (как выразился Леон Блюм), в котором составные элементы бесследно растворяются друг в друге. Некоторые шли даже так далеко, что были уверены, что советское правительство под влиянием своей внутренней эволюции в сторону демократии и под давлением международной ситуации вообще склонно ликвидировать коммунистические партии в Европе, заставляя повсюду коммунистические секции входить в состав объединенных рабочих партий.

Всему этому развитию, начавшемуся столь многообещающе, был нанесен жестокий удар московскими процессами 1936 г., а затем и всем последующим ходом дел в Советской России.

Уже первый августовский процесс «16 террористов» (Зиновьев, Каменев и др.), разразившийся как удар грома среди ясного неба, вызвал необычайно сильную и резкую психологическую реакцию в среде мирового социализма, и как раз левого. Сколько надежд было растоптано, сколько иллюзий было разбито, сколько сомнений было посеяно уже этим одним первым процессом, направленным против людей, в которых общественное мнение западно - европейского социализма в течение почти 20 лет привыкло видеть воплощение большевистской революции, Коминтерна и Советской России.

Но многие пытались утешать и подбадривать себя тем, что это какой-то непонятный зигзаг в общем благоприятном развитии, что линия снова выпрямится, и

кладе 13-ой сессии Международного Статистического Института в 1929 г. Согласно этому докладу расход на жилище, кроме расхода на отопление и освещение, составлял в СССР в 1928 г. 10,4% расходного бюджета рабочих и служащих, расход на отопление и освещение 5,1%, итого 15,5% бюджета*). Эта цифра не так уж отличается от западно-европейских.

Бахвальский тон «Правды» по поводу наших поразительных достижений «на жилищном фронте» особенно режет слух при сопоставлении с фактами, которые поставили в порядок дня, по признанию той же «Правды», задачу «радикального улучшения жилищного хозяйства в городах и сохранения жилищного фонда» и привели к возмущенной только что жилищной реформе. Реформа эта очень характерна. Переоценка ценностей бурно захватила сейчас и всю область жилищной политики. «Вредным пережитком» былой «организационной и хозяйственной слабости» советской государственности объявлена сейчас вся жилищная кооперация. С «пережитком» церемониться не приходится, и жилищная кооперация одним росчерком пера уничтожается.

Спору нет, жилищная кооперация в Советском Союзе давно превратилась в фикцию, но как характерно стремление авторов реформы лечить болезни бюрократизированной жилкооперации методами бюрократической рации и алии. Кооперация упраздняется и находившиеся в управлении жилкооперативов дома переходят непосредственно в ведение местных советов (или предприятий, учреждений и пр.) и в управление назначаемых жилорганами местных советов «управляющих». Как будто дома непосредственно находившиеся в управлении местных советов — а их

*) См. «Revue Internationale du Travail», 1933, ноябрь, стр. 691.

было немало — не оказались в таком же жалком положении (и это прямо подчеркивается в постановлении ЦИК и СНК), как и дома, переданные жилкооперации.

О попытке лечить болезни жилищного хозяйства путем пробуждения самостоятельности и общественной активности населения в километрическом постановлении ЦИК и СНК нет ни слова. А ведь когда в 1933 г. в Донбассе — сначала в Криндачевке (Красном Луче), а затем в Горловке и др. — началось движение в пользу привлечения общественной активности и инициативы местного населения к делу городского и жилищного благоустройства*), движение это чрезвычайно быстро обнаружило свою жизнеспособность. Сейчас от всего этого ничего не осталось, а инициатор этого движения, Криндачевский, а позже Горловский секретарь компартии Фурер объявлен недавно «ярким врагом народа» («Правда» от 29-го июня), а «рекламная шумиха вокруг благоустройства Горловки» лишь «формой маскировки» (замечательно, что самого факта улучшения благоустройства Горловки газета даже не пытается отрицать).

В ближайшие недели должен быть издан ряд дополнительных постановлений о порядке проведения в жизнь новой реформы и тогда можно будет вернуться к этой теме и подробнее поговорить о реформе. Сейчас ограничусь еще только одним замечанием общего характера.

В советской печати в последние годы не раз осторожно намекалось, что пора бы уже коренным образом изменить порядок исчисления квартирной платы и упразднить оплату жилплощади «по классовому признаку», т. е. в зависимости от заработка нанимателя жилплощади. Сейчас мы непосредственно к этому подходим. Правда, пока еще об этом открыто не говорят (и до

*) См. ст. «Новое в рабочей жизни» в № 22 «Соц. Вест.» за 1933 год.

этот кровавый, но частный инцидент будет сглажен всем дальнейшим ходом развития.

Но за первым процессом последовали следующие, все более и более ошеломляющие, все более и более непонятные для западно-европейского человека, все менее и менее увязывающийся с новым представлением о Советской России, как о стране, которая спокойно, уверенно, без потрясений и колебаний эволюционирует в сторону всеобщего благополучия и новых истинно-социалистических форм демократии. Глубокое разочарование стало охватывать как раз лево настроенные массы социалистической интеллигенции и революционных пролетариев в Европе.

♦ Столь высоко поднявшийся было престиж Советской России стал падать все ниже и ниже. Стало ясно, что Сов. Россия чем-то глубоко и тяжело больна, что кровавые расстрелы, вакханалия репрессий и чудовищных обвинений, не останавливающихся даже перед наивысшими и наиболее почитаемыми вождями и самого большевизма и Красной Армии, является ничем иным, как только внешним проявлением тех внутренних судорог, которые сотрясают весь организм советской страны.

Мы уже указали выше, что действительной морально-психологической основой тактики единого фронта и стремление к единству в среде европейской социалдемократии являлось преклонение перед успехами и достижениями советской революции. Естественно, что разочарование в этих успехах и достижениях само по себе уже являлось тяжким ударом, прямой угрозой для дела единства.

Если пятиконечная звезда Советского Союза столь

ослепительным светом засияла на набесклоне левого европейского социализма, то потому, что русский большевизм казался победителем. «Обанкротившейся» социальной демократии Запада противопоставлялась, правда, кровавая и жестокая, но героическая, а главное победоносная революционная диктатура. Гуманитарный, но бессильный справиться с звериными силами фашистского капитализма, социализм Западной Европы с надеждой и упованием взирал на депотистический, но именно потому может быть могущественный, социализм русский, шутя сметающий с пути все преграды и препятствия. Капитализм — раздавлен навсегда; иностранная интервенция — победоносно сметена; сопротивлявшийся социалистическому строительству класс крестьянства — победоносно преодолен коллективизацией. Строится, — правда не совсем так, как мы до сих пор думали и как выходило по книжкам, — но все же бесспорно строится бесклассовое общество с плановым социализированным хозяйством, без господствующих классов и без возможности образования новой буржуазии! И это новое общество Сталин собирается увенчать демократией по лучшим образцам.

На фоне этой лучезарной перспективы особенно мрачной казалась европейским социалистам, еще не оправившимся от недавних поражений, европейская капиталистическая действительность, и в маленькие пятна на гигантском солнце превращались те изъяны советской жизни, которые и они, конечно, не могли не замечать. Победителя не судят, победоносную революцию надо брать целиком, en Bloc.

Но конец 1936 и в особенности 1937 год в очень

после выборов, конечно, будут молчать). Но постановление ЦИК и СНК подчеркивает, что «домовое хозяйство ведется управляющим домом на началах хозяйственного расчета» (ст. 11), причем средства «крупных доходных домов» не могут заимствоваться на покрытие дефицита не доходных домов (ст. 16). Но сохранение оплаты жилплощади «по классовому признаку» (останемся при этом неудачном термине) очень часто прямо немыслимо в рамках отдельного дома. Переход к установлению платы за жилплощадь независимо от заработка нанимателя, повидимому, предпринят. Такая реформа будет означать понижение рас-

хода на квартиру для высших служащих и верхнего слоя рабочих, но одновременно резкое повышение расхода на квартиру для громадного большинства рабочих и служащих со средним и низким заработком. Для миллионов рабочих и мелких служащих это явится очень болезненным ударом. Нейтрализовать его могло бы лишь одновременное общее повышение заработной платы обездоленных слоев рабочего класса. Но это ведь так «несозвучно» нашей «чудесной эпохе». И проблема эта так и останется, конечно, не разрешенной, если ее не поставят в порядок дня сами рабочие массы.

Ю. ОСОКИН.

Политический турнир в Лондоне

На первом заседании возобновившего свою деятельность Лондонского комитета о невмешательстве Франция и Англия заявили устами своих представителей, что они вернут себе свободу действий, если вопрос об отзыве всех «добровольцев» из Испании не будет в достаточной краткий срок решен коллективно. В речи, произнесенной им 21-го октября в Палате Общин, Иден повторил по существу то же заявление несколько раз. «Ни одно правительство, сказал он, не может быть на неопределенный срок связано международным соглашением, которое постоянно нарушается». О возобновлении деятельности Лондонского комитета Иден заявил, что французское и английское правительство после отказа Италии вести переговоры втроем решили «сделать еще одну попытку, если даже она может оказаться последней». Говоря на другой день после того, как Гранди заявил о готовности Италии идти на уступки, Иден поставил вопрос: может ли это изменение положения

принести пользу? и ответил: «это покажут ближайшие несколько недель, я говорю намеренно недель».

Все такие заявления явным образом имеют цель оказать давление на Италию, и одно время могло казаться, что Италия, поддаваясь этому давлению, была уже готова примириться с эвакуацией участвующих в испанской войне иностранцев. На деле же — и в этом можно было убедиться уже на следующий день после речи Идена — Италия вовсе еще не сдавалась, а только прибегает к новым маневрам, чтобы, не доводя дело до открытого разрыва, тянуть теперешнее положение неопределенно долгое время.

Иден говорил о ближайших неделях, желая, очевидно, сказать, что Англия не намерена мириться с сохранением теперешнего положения в течение месяца. Но ведь если даже теперешние лондонские переговоры закончатся принятием наметившегося компромисса — что еще неизвестно, когда эта статья идет в набор, — то и это будет означать, что понадобятся еще

многих и как раз в наиболее вдумчивых представителях западно-европейского социализма возбудили серьезные сомнения в правильности этой концепции. Действительно ли большевизм оказался победителем? Действительно ли русская революция идет туда, куда ее провожали восторженные и полные надежд взоры революционных рабочих всего мира? Производство гигантски выросло, но откуда же тогда эти бесконечные перебои, откуда эти нескончаемые жалобы на «вредителей», откуда анти-троцкистская лихорадка, которая вот уже полтора года треплет довольную, богатую, все богатеющую, все растущую и счастливую страну, в которой жить становится «все легче и все веселей»? Как может стать, чтобы победоносная, идущая «все вперед и выше» революционная страна с такой неизбежностью порождает — и притом из среды самой победоносной революции, из рядов самого победоносного пролетариата! — все новые и новые гигантские слои вредителей, изменников, предателей, иностранных шпионов и диверсантов? Или может быть — победы вовсе нет, и то, что казалось победой революции и социализма, на самом деле представляет и имеет совершенно иной социальный смысл? Может быть, правы те, которые говорили, что на самом деле действительного подъема благосостояния масс в России не было и нет; что там растет и развивается социальное неравенство, что там образуются новые господствующие слои, которые пока, конечно, чрезвычайно отличны от тех классов, которые господствуют в капиталистических государ-

ствах, но которые в какой-то дальнейшей инстанции имеют тенденцию с этими классами сомкнуться?!

*
**

Все эти и десятки других сопредельных вопросов и сомнений начинают одолевать душу среднего европейского социалиста, стремящегося вдуматься в русские события.

И тут он начинает замечать, что мировой кризис кончился, не превратившись в «последний кризис» капиталистической системы; что безработица частью исчезла, частью сильно ослабевает; что возможности политических и социальных реформ, как это показало правительство Леона Блюма во Франции или успешные титанические стачки рабочих в Соед. Штатах, далеко еще не исчерпаны даже в современном капиталистическом обществе; что, наконец, даже презренная буржуазная демократия со своими урезанными социальным неравенством свободами все же имеет ряд преимуществ по сравнению с теми неурезанными и ничем неограниченными возможностями террора и угнетения, которыми располагает деспотическая диктатура партии.

Взаимоотношение между мировым капитализмом и мировым социализмом в 1937 году и социально-экономически и морально-психологически совершенно иное, чем в 1933-35 гг. И это не могло не отразиться и на эволюции вопроса о единстве. Но к этому вопросу мы вернемся в следующей статье.

месяцы для того, чтобы комиссия, которая должна будет определить количество сражающихся на обеих сторонах иностранцев, сформировалась и выполнила свою работу. Но Италия, Германия и Португалия заявляют еще, что они не могут наперед признать обязательными для себя заключения, к которым придет комиссия!

Тактика Италии ясна. В настоящий момент она хочет прежде всего, чтобы Франко имел возможность полностью использовать положение, создавшееся вследствие взятия им Гихона и почти полной ликвидации астурийского фронта. Вряд ли и Италия надеется на то, что Франко удастся теперь разгромить республиканскую армию, но она во всяком случае рассчитывает на усиление позиции поддерживаемой ей стороны, и, как следствие этого, усиление собственной позиции по отношению ко всему комплексу средиземноморских вопросов. Она хочет «разговаривать», т. е. торговаться — запасшись возможно более сильными козырями. С этой же целью она посылает войска в Либия — т. е. в соседство с одной стороны Египта, а с другой — Туниса.

Наибольший интерес уже цитированной речи Идена состоит в том, что она формулирует английскую позицию по отношению именно к этим намерениям Италии и формулирует впервые с полной определенностью: никаких средиземноморских разговоров, пока испанский вопрос «со всеми относящимися к нему стратегическими и политическими проблемами» не будет решен. А решение испанского вопроса есть решение проблемы об интервенции в Испании. Только после этого «средиземноморским державам будет возможно постараться посредством дружеских разговоров восстановить прежние отношения традиционной дружбы». Значит: никаких разговоров и никакой дружбы до прекращения интервенции в Испании. Прибавим еще, что в той же речи Иден очень подчеркнуто говорил о блестящей политической и морской франко-британской кооперации в Средиземном море, которая выражается в том, что 80 английских и французских контрминоносцев охраняют средиземноморские пути.

Для многих читателей будет вероятно неожиданно узнать, что английская консервативная печать пишет теперь об испанском республиканском правительстве с явной симпатией. В «Таймс» появилась некоторое время тому назад (8-го октября) пространная корреспонденция, в которой не только положительно освещалась политика правительства Негрина вообще, но в частности особо упоминались разумные мероприятия «энергичного коммунистического министра земледелия». А в передовице по поводу падения Гихона та же консервативная газета прямо высказала и а д е ж д у на то, что это событие не будет иметь роковых последствий для республиканцев. Ссылаясь на упомянутую корреспонденцию, передовая говорит еще раз о борьбе правительства Негрина против насилия и произвола и пишет: «усиление этой реакции (против насилия снизу) и параллельное улучшение боеспособности правительственной армии позволяют сохранить некоторую надежду в отношении будущего Испании».

Такие статьи, как и заявления Идена, могут быть правильно поняты только в свете определенной концепции испанской проблемы — концепции, которая в Англии является, по всей видимости, официальной. По этой концепции ни одна из сторон в гражданской войне победить не может, и, если интервенция будет продолжаться, то война будет тянуться неопределенно долго без других результатов, кроме опустошения всей страны и всеобщего истощения. В случае же прекращения интервенции война быстро закончится, но не победой той или иной стороны, а соглашением между более умеренными элементами обеих сторон.

Это та же концепция, которую развил несколько недель тому назад выдающийся демократический испанский публицист Хавес Ногалес, и которая в самой Испании имеет немало сторонников. Гражданская война, по его мнению, потеряла свой смысл. Она вспыхнула, как столкновение двух абсолютно непримиримых «идеологических концентраций», и велась некоторое время как борьба р е в о л ю ц и о н е р о в и ф а ш и с т с к и х реакционеров. Но, как изображает дело Хавес Ногалес, правительство Негрина отказалось от революционных иллюзий, оно ликвидирует группы с социально-революционной идеологией и, проводя концентрацию умеренных элементов, борется за демократическую республику, парламентарную и буржуазную. А на другой стороне 400 фалангистов — «цвет испанского фашизма» — сидят в тюрьмах Бургоса, Валладолы и Севильи; реальная власть в лагере мятежников все больше переходит в руки банкиров и политиков монархической эпохи: «клиентов Британской империи и приверженцев классического английского т о р и з м а». Остается много материала для борьбы интересов и возрений в рамках парламентского режима, но никакой почвы для гражданской войны. Гражданская война превратилась в национальную: республиканцы борются, чтобы освободить Испанию от итальянцев и немцев, а франкисты — против угрожающего, по их мнению, Испании советского засилия. Предоставленные самим себе, испанцы давно бы уже кончили их войну, и они кончат ее, как только уйдут иностранцы.

Мы не подвергаем здесь эту концепцию критическому рассмотрению, что было бы возможно лишь в рамках анализа и с п а н с к и х событий. Здесь она интересна нам потому, что, независимо от ее правильности или неправильности, она в более или менее осознанной форме играет большую роль в международной политике. И не только в Англии, но и во Франции и даже, как мы подозреваем, в Германии и в Италии.

В обеих последних странах боятся перспектив такой внутренней испанской ликвидации гражданской войны, потому что возникшее из примирения сторон испанское государство будет, несомненно, ориентироваться на те страны, которые капиталами своими смогут помочь восстановлению страны, т. е. на Англию, Америку и Францию. Италии и Германии нужна з а т я ж к а с возможно большими успехами Франко, чтобы иметь, как мы уже сказали, более сильные козыри в своей политической игре, чтобы заставить Англию и Францию во имя сохранения европейского мира к у п и т ь у Германии и Италии мир в Испании.

Англия устами Идена отвечает на это: никаких общих переговоров, пока испанский вопрос не решен. Английское правительство считает, что Италия вынуждена будет таким путем в конце концов отказаться от интервенции в Испании, так как напряженное положение в Средиземном море должно становиться для Италии невыносимым, по мере того как Англия увеличивает там свои вооруженные силы и укрепляет свою морскую кооперацию с Францией. Франция, у которой возрастает беспокойство не только за ее пути сообщения с Африкой, но и за положение в ее североафриканских владениях, проявляет больше склонности, чем Англия, «потерять терпение», но обе державы стараются все время выравнивать свою политику по общей линии. Германия является секундантом Италии, склоняющимся однако к тому, чтобы признать необходимость прекращения интервенции в Испании. Советская Россия поддерживает в общем Англию и Францию, отклоняя однако какой-либо компромисс по вопросу о признании за Франко прав воюющей стороны до полного удаления «добровольцев».

Так как исход ведущейся в Лондоне политической игры пока еще неизвестен, мы ограничиваемся в настоящей статье этой характеристикой позиций главных участников, надеясь облегчить этим понимание и тех новых фактов, которые читателю при чтении нашей статьи будут уже известны. К оценке перспектив и критике этой англо-французской политики мы еще вернемся.

К падению Гихона

С помощью аэропланов, танков и прочего военного снаряжения войскам Муссолини и Гитлера удалось наконец сломить героическое сопротивление горняков Астурии, показавших, какую высокую доблесть может рождать в людских сердцах страстная любовь к свободе и социализму.

Свою новую победу фашистские диктаторы-агрессоры одержали как раз в тот момент, когда цинично заявляли в Лондоне о своем «лояльном» соблюдении политики невмешательства!

Они, конечно, еще раз будут торжественно праздновать этот успех их оружия и их дипломатии. Но пусть же, по крайней мере, демократические державы откро-

ют наконец глаза на трагическую реальность, поймут свой долг по отношению к Испании, точно указываемый им статьей 10 пакта Лиги Наций, по отношению к самим себе и собственной безопасности, для которой фашистские победы являются серьезной угрозой, по отношению ко всему человечеству, которое они могут еще избавить от ужасов мировой войны!

Завтра, как и вчера, наши Интернационалы будут делать все, что в их силах, чтобы превратить коллективную безопасность в реальность. Сегодня перед ними стоит повелительный долг: десяткам тысяч мужчин, женщин, детей угрожает самая ужасная резня; надо спасти их жизнь. Надо, чтобы державы без промедления помогли эвакуации населения, предоставив для этого дела человечности содействие своего флота.

Пусть организации, примыкающие к нашим Интернационалам, немедленно предпримут необходимые шаги у своих правительств! Пусть будят они общественное мнение!

Надо спасти жизнь астурийского населения!

Надо спасти свободу Испании!

Надо спасти мир!

**Международная Федерация Профессиональных Союзов.
Рабочий Социалистический Интернационал.**

К похищению тов. Марка Рейна

Сообщение Информационного Бюллетеня РСИ о похищении нашего молодого товарища в Барселоне и перепечатанная тем же Бюллетенем комментирующая статья «С. В.» к этому сообщению были, в том или ином виде, использованы всею мировую социалистической печатью.

Данных, которые позволили бы со всею конкретностью и определенностью установить обстановку похищения, назвать поименно лиц, повинных в нем, выяснить судьбу похищенного и добиться его освобождения, если он содержится в одной из «тайных» испанских тюрем, и за истекшие недели пока еще установить не удалось. Но, если уже месяц тому назад мы могли гласно поставить испанским коммунистам и их советскому начальству вопрос о возможном и даже вероятном участии их в совершенном над т. Рейном преступлении, то новые обстоятельства, ставшие нам известными с тех пор, дают нам право ставить этот вопрос теперь с еще гораздо большей настойчивостью и категоричностью.

Мы лишены, к сожалению, возможности теперь же предать гласности эти обстоятельства, так как преждевременное оглашение их могло бы оказаться чрезвычайно опасным для свободы и, быть может, даже жизни ряда «третьих лиц». Но достаточно и тех фактов, которые уже стали достоянием печати, чтобы прийти к неопровержимому убеждению в том, что коммунисты-сталинцы не только способны организовать «похищения» своих политических противников, но и фактически организуют их. Мы говорим об имевших место уже после похищения т. Рейна случаях «бесследного исчезновения» таких «троцкистов», как Мулэн (Ганс Фрейнд), супруги-итальянцы Тиоли, австриец Курт Ландау (Вольф Бертрам) и особенно чехословацкий гражданин Эрвин Вольф, бывший секретарем Л. Троцкого в период его норвежского «пленения». Кто мог быть заинтересован в исчезновении этих, оппозиционных Сталину, коммунистов и кто мог располагать достаточно мощным «аппаратом», чтобы, похитив их, замести все

следы преступления, если не те, кто не остановился перед убийством Игнатия Райсса, «изменившего» Сталину агента ГПУ, и сумел помочь бесследно скрыться его убийцам? Замалчивая все эти преступления и ограниваясь бездоказательным клеймением всех политических противников Сталина в коммунистической и социалистической среде, как шпионов Франко и агентов Гестапо, коммунисты-сталинцы лишь сами указывают на себя пальцем, как на подлинных преступников...

А между тем и на преданный столь широкой гласности случай похищения т. Рейна сталинская печать всего мира отвечает лишь — не знаем, как сказать: смущенным или бесстыдным — молчанием. Редкие исключения отличаются такой изворотливой недобросовестностью аргументации, которая лишь свидетельствует о нечистой совести.

Таким исключением является заметка «Голоса Народа», которую этот орган бельгийской коммунистической партии счел возможным ответить на статью т. Р. Ивлева о похищении Марка Рейна, помещенную в брюссельском социалистическом «Пэплъ». Все, что «Г. Н.» смог ответить на эту обстоятельную статью, сводится: 1) к инсинуаторскому «сомнению» насчет того, имело ли вообще место его похищение; 2) к обходу вопроса о похищении Нина заведомо ложным утверждением, якобы «все» арестованные «пумисты» (стало быть, и «бесследно исчезнувший» Нин!) предстанут перед регулярным судом республики по обвинению в «шпионаже»; 3) к намеку — опять-таки заведомо ложному — на то, якобы заявления испанских министров опровергают сообщения о «коммунистическом засилии» в Испании, сделанные в докладе «делегации троцкиста Мэкстона», между тем как доклад этой делегации (во главе которой, как мы имели случай упоминать, стоял, вместе с Мэкстоном, французский социалист и член бюро «комитета социалистической акции в пользу Испании», Вейль-Кюриэль) именно на заявления испанских министров и ссылался; и, наконец, 4) к попытке ввести

ТОВАРИЩ, ПРОЧИТАВ, ПЕРЕДАЙ ДРУГОМУ!

недостаточно осведомленных читателей в заблуждение указанием, что каталонский ПСУК является «объединенной» организацией коммунистов и социалистов (почему-де и за действия его нельзя возлагать ответственности на коммунистов-сталинцев), между тем как всем хорошо известно, что эта организация представляет собою не «объединение», а поглощение некоторой части каталонских социалистов коммунистами и примыкает к сталинскому Коминтерну.

Если сталинскому органу нечего больше ответить на те вопросы, которые, вместе с нами, поставил коммунистам т. Ивлев, то это доказывает не только законность постановки таких вопросов, но и ее полезность с точки зрения создания условий, затрудняющих сталинцам совершение новых расправ со своими политическими противниками и способствующих высвобождению республиканского правительства из-под гнета «коммунистического засилия», пагубность которого для успеха той отчаянной борьбы, которую оно ведет с домашними и иностранными врагами республики, оно само не может не сознавать.

Некоторые искренние и пламенные друзья республиканской Испании, повидимому, этого не понимают. Так, т. Жиромский («Попюлэр», 5 октября) полагает, что, в интересах республиканской победы, Социалистический Интернационал и его партии должны «воздерживаться от неуместного вмешательства» во внутренние конфликты испанского Народного Фронта и отказываться от поддержки тех или иных течений внутри этого Фронта или даже внутри испанской социалистической партии. Их задача исчерпывается борьбой против политики «невмешательства» и за оказание помощи испанской республике.

Что основная задача международного социализма состоит в борьбе за распространение на Испанскую республику всех норм международного права и так наз. политики коллективной безопасности, — это бесспорно. Точно так же бесспорно, что свою всестороннюю помощь делу Испанской республики международный социализм ни в коем случае не должен ставить в зависимость от победы того или иного течения внутри испанского пролетариата и испанского Народного Фронта, что он, наоборот, должен предоставить определение состава и политики республиканского правительства Испании свободной игре и свободному состязанию различных течений мысли испанского рабочего класса.

Но отсюда отнюдь не следует, что международный социализм может безучастно, в качестве «стороннего наблюдателя», смотреть на такой ход событий, при котором одно из течений пролетарской мысли злоупотребляет той материальной силой, которую дают ему в руки советские поставки оружия, именно для того, чтобы сделать свободное и дейное состязание в пролетарской среде невозможным и, насильственно подавляя все другие течения, «отсекать» от дела республики значительные части, быть может, большинство пролетариата, ставя тем самым под угрозу и военную победу республики. Нельзя предоставлять монополию на раскрытие и обличение этих язв, разлагающих республиканский фронт, врагам республики или тем чрезчур импульсивным друзьям ее, которые готовы сделать отсюда торопливый вывод о «контр-революционном» характере самого республиканского правительства, а потому и об отсутствии у международного пролетариата интереса к оказанию ему поддержки.

Поступая таким образом, международный социализм не только не «содействовал-бы победе республики», как того хочет т. Жиромский, но, наоборот, приложил бы свою руку к подготовке ее поражения. Лишь беря на себя задачу товарищеской критики, товарищеского воздействия и товарищеской помощи испанскому пролетариату и испанскому Народному Фронту в преодолении ослабляющих их внутренних пороков, будет международный социализм действительно «содействовать победе» республики. И разыгравшийся совсем на днях эпизод, быть может, и т. Жиромского убедит в том, что такого рода товарищеское «вмешательство» во внутренние конфликты испанского Народного Фронта служит лишь укреплению позиции республиканского правительства Испании, а потому и усилению шансов на успех защищаемого им дела.

20 октября «Попюлэр», орган французской социалистической партии, опубликовал заметку о члене французской партии Ладмирале, отправившемся добровольцем в Испанию, но там арестованном и осужденном на смерть по нелепому обвинению в «шпионстве на службе Гитлеру». «Попюлэр» приводил это осуждение в связь с теми репрессиями, которые обрушиваются ныне в Испании на всех деятелей рабочего движения, не являющихся «правверными коммунистами», т. е. сталинцами, и призывал всех социалистов «встать на защиту» Ладмирала и «спасти» его.

Результаты этого «вмешательства» международного социализма не заставили себя ждать. Уже на третий день «Попюлэр» смог сообщить своим читателям, что Ладмираль (не забудем: уже осужденный на смерть!) не только «спасен», но освобожден и находится во французском консульстве в Барселоне. Можно ли сомневаться, что само республиканское правительство Испании могло лишь как услугу рассматривать это «вмешательство», давшее ему возможность освободиться в этом случае от воздействия «темных сил» и не дать совершиться задуманному ими и неоправданному злему делу?

В своей заметке о спасении Ладмирала «Попюлэр» говорит:

Мы слишком хорошо знаем, насколько верно испанское правительство заветам правосудия и насколько уважает оно человеческую личность, чтобы считать его способным на какой-либо другой образ действий, кроме правосудного и гуманного.

Мы не иначе, чем орган нашей братской французской партии, оцениваем намерения республиканского правительства Испании или, по крайней мере, возглавляющих его и участвующих в нем социалистов. И именно потому, что оно, как мы в том глубоко убеждены, само лучше всех понимает, насколько охрана «правосудия и гуманности» необходима во имя самой победы республики в навязанной ей тяжелой гражданской и международной войне, — именно поэтому мы думаем, что не ослабляем, а укрепляем его, когда мобилизуем общественное мнение международного социализма во имя раскрытия до конца и, если это еще возможно, исправления совершенных преступлений и, во всяком случае, предотвращения новых преступлений такого рода, как то, жертвою которого стал т. Марк Рейн. Ладмираль освобожден; надо добиваться освобождения Рейна и других жертв преступной расправы!

ПАРТИННАЯ ТРИБУНА

ЕЩЕ НЕСКОЛЬКО СЛОВ.

Моя дискуссионная статья о войне и социализме («С. В.» № 12/13) была, оказывается, многими воспринята как направленная критическим острием своим против «тезисов четырех» и даже тезисов З. Д. Если это так, то я готов со всей прямотой отнести впечатление это за счет недостаточной отчетливости формулировок и мыслей в этой моей статье. Но это же меня понуждает вернуться к вопросу и, в наиболее кратком виде, внести необходимую ясность. К тому же это мне даст возможность хотя бы самым суммарным образом отозваться на возражения Ф. И. Дана, сопровождавшие мою статью.

Но сразу же, и со всей категоричностью, я должен заявить, что концепцию тезисов я в их основном и существенном разделяю. Сейчас, когда война более чем в какой-либо другой момент после-военного периода, что называется «на носу», проникновение этой концепции в сознание широких рабочих масс является наиболее актуальной и насущной задачей. Менее всего, поэтому, я мог бы одобрить, а тем более приложить собственную руку к ее разрушению. Но это не исключает, а, наоборот, даже настоятельно требует публичного ее обсуждения и «проработки». Только такую цель, выражаясь модно, «конструктивную», т. е. творческой критики я в статье и преследовал, пытаясь отточить то лезвие тезисов, которое должно отсесть от их концепции всякие прямые или исподвольные попытки их «выхолостить» и сделать трамплином для того воинствующего «анти-фашизма», который ведет ни к чему иному, как к простому повторению «священного единения».

Но, ведь, весь смысл и даже причина появления на свет «тезисов» сводятся именно к служению этой же цели: провести рабочий класс по лезвию анти-фашизма к революции и социализму без того, чтобы он свалился попутно в вулгарный, внутренне-ложный и, в своем результате, гибельный «буржфриден». И я не расхожусь с «тезисами», когда, констатируя новые, после тезисов возникшие, явления в европейском рабочем движении, делаю упор на предотвращение или срывание войны революцией. Как не расхожусь с ними и тогда, когда ставлю ударение на характер будущей войны, как, прежде всего, столкновения «сытых» и «голодных» империализмов, лишь прикрытого психологически сильно действующей идеологией анти-коммунизма или анти-фашизма. Как не расхожусь, наконец, с ними и тогда, когда вскрываю нарастающее влияние социал-патриотических настроений в большинстве европейских социалистических партий, — настроений, рост которых тем более облегчен, но и тем более опасен, что будущий враг представляется в одиозном рабочем массам виде фашизма.

Возможность предупреждения или срывания войны революцией в **сегодняшних, новых условиях**, по крайней мере, столь же правомочна, как и возможность «якобинского» ведения войны рабочим классом, но ее пропаганда вносит уже сегодня противоядие от склонности видеть в «священном единении» орудие (иллюзорное!) «защиты демократии».

Разоблачение империалистической подоплеки и целей войны дополняет эту пропаганду и усиливает действие этого противоядия.

Вскрытие опасной эволюции европейских социалистических партий дает надежду на выпрямление их линии давлением рабочего класса, без чего не может быть точки приложения и для «военной политики», предлагаемой тезисами.

И все это вместе, если и не сможет своевременно изменить курса событий и положения вещей, то сможет поспособствовать уменьшению количества «разбитой посуды» и ускорению здоровой реакции в рабочем классе.

Другими словами, нужно уже сейчас делать все, чтобы рабочий класс знал, что война может быть между империализмом фашистским и империализмом «демократическим» только за захват или только за защиту рынков и «плодоносных» территорий, только за завоевание «места под солнцем» или только за оборону уже «освоенных» мест; чтобы он не смешивал свои мотивы войны с фашизмом с мотивами своей буржуазии; чтобы он не «передоверял» свою военную, по отношению к фашизму, политику своему буржуазному правительству, своему «компетентному» генеральному штабу; чтобы, одним словом, он разумно и сознательно практиковал политику: «врозь итти, вместе бить». Больше всего сторонники тезисов должны бороться против их восприятия с одной только «анти-фашистской» их стороны. Опасность же такого именно их «восприятия» я вижу в эволюции социалистических партий в сторону политики национальной ограниченности, национальной обороны и искания союзников справа для защиты буржуазной конституции и демократии.

В своей реплике Ф. И. Дан справедливо дополняет картину этой опасности указанием на ход политического кризиса в Сов. Союзе и с ним связанной политики Коминтерна. Да, идейное и политическое вырождение коммунизма возвращает его к самым его истокам, к вопросу об «оборончестве» или «пораженчестве», «священном единении» или «гражданской войне». Но теперь, в нисходящей линии своей траектории, он приходит к первому — со свойственной ему схематичностью формальной логики. И здесь тоже он скатывается к реформизму, из отрицания которого в свое время он вырос. На этих путях революционный социализм должен вести непримиримую борьбу с политикой коммунизма, как и с политикой реформизма. Если он не сумеет побороть обоих этих противников до войны, то в условиях военного угара и мобилизации, срывающей с социальных корней и деклассирующей все общественные слои, в условиях осадного положения и «военизации» всех форм и проявлений общественной жизни он не найдет ни достаточных сил, ни условий для противопоставления революционной военной политики пролетариата политике классового единения, т. е. **классового отречения**.

«Классовая борьба никогда не должна приостанавливаться, — этот урок, извлеченный Розой Люксембург еще из прошлой войны, должен оставаться для пролетариата компасом и в войне грядущей.

Если можно говорить о моих расхождениях с «тезисами», то они лежат не в существе, а, так сказать, в степени. В степени оптимизма по отношению к возможности торжества их концепции, если война разразится «при всех данных условиях», т. е. при нынешнем положении вещей и соотношения сил в рабочем движении. Отсюда лишь логически вытекает сознание необходимости уже сейчас всемерно бороться за изменение этого положения вещей и соотношения сил. Но, если это является необходимым предварительным условием для торжества «военной политики» тезисов, то мы можем поставить себе предварительной целью и предупреждение войны силой этого нового соотношения сил, ибо цель наша, ведь, прежде всего в борьбе за мир.

Поэтому-то я и не могу согласиться с Ф. И. Даном, когда он «вылущивает» из моей статьи простое повторение «шимервальдизма», как не могу согласиться и с его выводом, что моя позиция является лишь «догматически-революционным представлением о тактике пролетариата». Не в самозамыкании и самоизоляции пролетариата я вижу залог его победы, а, как и Ф. И. Дан, в его умении и способности завоевать «средние классы». Но, чтобы «переклочить» мелкую буржуазию и ее «назревающий анти-капиталистический бунт с фашистско-капиталистических рельс на рельсы пролетарско-социалистические» и стать в ее глазах «классом-освободителем», пролетариат должен не растворяться в ее расплывчатом, непоследовательном и противоречивом «бунтарстве», а выработать себе и «представить» ей свою, классово-независимую и революционно-выдержанную идеологию и тактику. Ибо склонность мелкой буржуазии итти по руслу фашистско-капиталистическому черпается не в боязни революции и социализма, а как раз в ее неверии в революционную волю и способность пролетариата бороться за социализм. Поэтому и политика «Народного Фронта» может стать «исторически-данной формой борьбы рабочего класса за «душу» мелкой буржуазии» только тогда, когда рабочий класс, ставши его «осью» и «мотором», будет видеть в нем лишь очередной этап в своем поступательном продвижении к революции и социализму, а не свяжет себя путями расплывчатых ощущений, туманных вождельдений и консервативных предразсудков мелкой буржуазии.

В. И.

ЗАГРАНИЦЕЙ

КАНТОНАЛЬНЫЕ ВЫБОРЫ ВО ФРАНЦИИ.

10-го и 17-го октября происходили кантональные выборы во всей Франции кроме департамента Сены, т. е. Парижа и его предместий. В административном делении Франции кантон соответствует русской волости (аррондисман уезду и департамент губернии). Раз в три года происходят выборы в одной половине кантонов для избрания членов департаментского «генерального совета», а в другой половине для избрания членов «совета аррондисмана». «Советники» избираются на 6 лет. Таким образом в нынешнем году переизбирались те советники, которые были выбраны в 1931 г.

Кантональные выборы привлекли на этот раз к себе осо-

бый интерес, как первые выборы после победы Народного Фронта на парламентских выборах в мае 1936 г. Естественно ставили вопрос: изменилось ли и, если да, то в каком направлении, настроение избирателей под влиянием всех тех огромных перемен, которые произошли в стране со времени прихода к власти первого правительства Народного Фронта? Вопрос о распределении мандатов по сравнению с 1931 г. отступал на задний план по сравнению с вопросом о распределении голосов по сравнению с маем 1936 г. Точное статистическое сравнение является в этом отношении невозможным. Тем не менее, вычисляя процентные отношения, можно получить приблизительное представление о развитии отдельных партий. Картина, которая получилась таким образом, оказалась в противоречии всем ожиданиям: изменения по сравнению с 1936 г. являются незначительными.

Партии и группы Народного Фронта:

	Кантональн. 1936 г. выборы.	
Коммунисты	14,0%	13,0%
Социалисты	21,3%	21,0%
Радикал-социалисты	20,7%	16,0%
Остальные	2,9%	7,5%
	58,9%	57,5%
Оппозиция:		
Центровые группы	18,0%	27,0%
Правые	18,3%	15,0%
Новые «движения»	4,7%	
	41,0%	42,0%

Особенно резкое уменьшение мелких групп Народного Фронта объясняется очень просто: группы эти состоят главным образом из отдельных личностей, которые при кантональных выборах выставляют кандидатуры каждая в одном кантоне, т. е. лишь в небольшой части их избирательного округа. Остальные, поданные за них при парламентских выборах голоса распределились между большими партиями Народного Фронта.

Социалисты в общем остались на прежних позициях. Наблюдение частных результатов дает однако более благоприятную картину: социалисты сравнительно в немногих случаях потеряли в пользу коммунистов или радикал-социалистов; в ряде случаев их голоса уменьшились лишь соответственно меньшему количеству голосовавших, а в других случаях они имели прямо-таки блестящие успехи. У коммунистов, которые выставили кандидатов в особенно большом количестве кантонов и вели необычайно интенсивную агитацию, пересекаются две тенденции. В одной части районов, в особенности в Эльзасе и Лотарингии, они усилились, в другой группе они появились в сущности впервые; там же, где они были сравнительно сильны, они в большинстве случаев сильно потеряли — иногда по расчету на целый избирательный район свыше 2/3 голосов.

Радикал-социалисты сильно выиграли — в значительной мере потому, что за них во многих кантонах голосовала часть умеренно правых, предпочитавших их как «наименьшее зло» коммунистам и социалистам. Соответственно этому умеренно правые сильно уменьшили свою долю, потеряв кроме того изрядное количество голосов направо. Среди оппозиционных избирателей было особенно много воздержавшихся. И это вот почему. Оппозиция выставляла уже при первом туре, когда для избрания нужно абсолютное большинство, единую кандидатуру в каждом кантоне. Благодаря этому она сохраняла большое количество мест, но во многих случаях часть — или более правые или более умеренные — воздерживалась от голосования за единого, этой части «чужого» кандидата.

Даже учитывая все это, нельзя сомневаться, что большинство Народного Фронта в стране несколько не ослабело. Несмотря на дороговизну и отдельные разочарования различных групп, убеждение, что правительство Народного Фронта сделало великое дело, является преобладающим. То же, что социалисты, несмотря на внешнее крушение их правительства, вполне сохранили и отчасти улучшили свои позиции (в особенности в пролетарских районах) является особым восторгом доверия правительству Леона Блюма.

СЪЕЗД БЕЛЬГИЙСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ.

9-10 октября состоялся 56-й очередной съезд Бельгийской Рабочей Партии. Согласно традиции он собрался перед возобновлением парламентской сессии для определения линии поведения как парламентской фракции, так и самой партии на ближайший год. Но на этот раз, хотя и в связи с указанными практическими задачами, перед съездом стояли вопросы более общего программного и тактического порядка: общее

политическое положение, взаимоотношения с другими партиями, организация молодежи.

В своем, тоже традиционном, политическом докладе Вандервельде специально подчеркнул, что этот съезд должен быть съездом единения, вернее даже — единогласия. Манифестация единения должна была выгодно противопоставить Р. П. католической и другим партиям, в которых царит организационный и политический разброд, и показать, что она является единственной дисциплинированной политической силой, на которую может опираться коалиционное правительство Ван-Зееанда. Забегая несколько вперед, можно сказать, что такая манифестация весьма облегчалась отсутствием сколько-нибудь сплоченной левой оппозиции: таковой в сегодняшней политической природе Р. П. не существует.

Основным вопросом внутренней политики является **правительственная коалиция**. По господствующему в партии общему мнению, в нынешней политической конъюнктуре эта коалиция является единственно возможной и жизнеспособной правительственной комбинацией. Мнения расходятся лишь по линии оценки ее как «абсолютного блага» или как «наименьшего зла». Однако, и это отразилось в резолюциях, партия готова оказывать правительству безоговорочную поддержку лишь при условии, что коалиция будет двигаться по путем социального прогресса, отметившего ее возникновение. И это — не простая страховка «на всякий случай».

Уже почти с год правительство находится под возрастающим давлением реакции, ибо «кризисная» часть его программы уже исчерпана, и в порядок дня становится ее «реконструктивная» часть, предусматривающая национализацию или контроль капиталистических монополий, страховых обществ и банков. В этой области реакция преуспела, ибо пока правительство топчется на месте. Но реакция, т. е. предприниматели, банкиры и т. д., смотрит дальше. Новая экономическая конъюнктура дает ей высокие дивиденды, но вместе с тем растет дороговизна. Те повышения заработной платы, которых рабочий класс добился забастовками или давлением на правительство, сводятся на нет быстрым темпом вздорожания жизни. А между тем рабочий класс склонен требовать не только гарантирования уже достигнутого уровня жизни, но и своей доли в «пироге» экономического улучшения в виде повышения этого уровня и постепенного продвигания к 40-часовой неделе. Эта «опасность» кажется реакции тем больше, чем дольше сидят социалисты в правительстве.

Но Р. П. и ее министры не намерены и в этом случае ограничить роль «пожарных» при капиталистическом доме. И если один твердит, что «мы стали правительственной партией», то и другие не хотят дать себя «уйти», не получив причитающейся рабочему классу доли реформ. Этим и объясняется имевший место недавно правительственный полу-кризис, внешне темные и мало понятные перипетии которого дали одному из делегатов съезда повод квалифицировать его, как «битву негров ночью». На этот раз удалось кое-как склеить разбитые горшки, но весьма распространено мнение, что это лишь кратковременная отсрочка, и продолжающаяся под спудом игра интересов делает это мнение небезосновательным.

О **фашистской опасности** говорилось мало, поскольку Рэкс себя политически дискредитировал и явно идет на убыль. Но Вандервельде был прав, предостерегая от недооценки сил «фашистизанов» и денежно подкрепляющих их «потайных» друзей.

По вопросам **внешней политики** единогласно принята резолюция съезда указывает на усиление военной опасности в результате возрастающей наглости фашистских империалистов и ослабления Лиги Наций, требует лояльного проведения политики коллективной безопасности, протестует против нападения Японии на Китай и настаивает на немедленном коллективном запрете вывоза в Японию нефти и железа.

Единогласно принята была и резолюция об **Испании**, констатирующая банкротство политики «невмешательства» и требующая возвращения испанскому правительству возможности пользоваться общими нормами международного права. Правда, налегать на непосредственно практические результаты этой резолюции не приходится. Сам Вандервельде поясняет, что, «уйдя из правительства по испанскому вопросу, наши друзья не окажут никакой услуги испанским республиканцам». Он просил лишь министров-социалистов «принимать во внимание» резолюции Социалистического и Профессионального Интернационалов и Бельгийской Р. П. по испанскому вопросу. Формула, более чем растяжимая...

Второй вопрос повестки дня — взаимоотношения с другими партиями — свелся на деле к **взаимоотношениям с коммунистами**. Компартия находится в оппозиции к правительству. Поэтому решающее значение сыграл и тот аргумент,

что Р. П. не может и не хочет связывать себя с коммунистами и стоять одновременно одной ногой в правительстве, а другой в оппозиции к нему.

Но, затронув этот вопрос, съезд не мог не упереться и в вопрос об единстве вообще. Компартия уже с давних пор делает Р. П. предложения об единстве действий вообще или в отдельных частных случаях. Но за последнее время она уже несколько раз возобновляла предложения и об органическом единстве, с тем однако, что в Р. П. она войдет, как автономная организация. Р. П. эти предложения систематически отклоняла, считая единственно приемлемой формой восстановления единства ликвидацию компартии и индивидуальное вступление ее членов в Р. П. Основные мотивы такой позиции: ничтожная численность и политическая невлиятельность компартии; органическое недоверие ко всем ее метаморфозам и, в частности, к ее свежее-испеченному демократизму; опасение ее разлагающей деятельности внутри Р. П.; боязнь отпугнуть и бросить в объятия реакции и фашизма мелко- и средне-буржуазные массы. Мотивы идеологического порядка, отрицательное отношение к сталинскому режиму и т. п. играют лишь подсобную роль. Диссонирующую ноту внесло лишь выступление Де Брукера, решительного сторонника единства. В единстве рабочего класса он видит единственную возможность противопоставить силам реакции, войны и фашизма действительную силу и, веря во внутреннюю мощь социализма, не боится тлетворного влияния коммунистов. Его лозунг: объединиться или погибнуть! Впрочем Де Брукер тут же добавил, что, будучи дисциплинированным членом партии, подчинится решению съезда.

Надо отметить, что, отвергая единство и совместные действия с коммунистами в наличных политических условиях, съезд не отверг единства в принципе. Так партия высказывается категорически против всякого явного или прикровенного «большевикодействия», видя в нем стремление реакции прикрасить этим флагом нападение на все социалистическое и рабочее движение.

Вопрос об организации молодежи — давний и набольший вопрос. Он связан с вопросом об единстве, так как съезд как раз должен был заняться ликвидацией той попытки объединения с коммунистическим союзом молодежи, которую с год тому назад предприняла «Молодая Гвардия».

С.-д. организация молодежи издавна расходилась с партией в вопросах идеологии, политики и тактики. Но основным пунктом расхождения была проблема обороны. Партия в течение всего послевоенного периода стояла на позиции национальной обороны. Наоборот, социалистическая молодежь главные усилия свои сосредоточивала на непримиримой анти-милитаристической пропаганде в организациях, в парламенте и в казармах. Отсюда — неизбежные столкновения «Молодой Гвардии» с партией, голосовавшей за военные кредиты, удлинение срока службы и т. п. Отсюда же и расхождение более глубокого идеологического порядка, создававшие среди молодежи естественный резонанс, моральную и организационную опору для всех лево-оппозиционных течений в партии.

Но «мистика» Рабочего Плана с последовавшим участием в правительстве внесли разброд и развал в относительно единую прежде левую, «Сталинисты» и «троцкиствующие», на которых она распалась, сделали поем своих раздоров опять-таки организацию молодежи. Это, как и опыт вхождения в «Молодую Гвардию» более близких ей тогда по духу «троцкистов», завершилось исключениями и отколами. Организация молодежи вышла из этих испытаний организационно ослабленной и идеологически потрепанной. Подоспевшая гражданская война и революция в Испании подняли однако дух молодежи и дали новое содержание ее идеализму и новое направление ее энтузиазму. Внутренние и международные проблемы испанской революции привели социалистическую молодежь к сознанию необходимости единства, и, поскольку партия была против единства, к убеждению, что на молодежь падает миссия через свое собственное объединение с коммунистической молодежью вести к единству и все рабочее движение.

В основу объединения было положено признание допустимости принадлежать к любой из пролетарских партий, с запрещением однако для руководителей объединенной организации молодежи, сохраняющей свою связь с Р. П., занимать политически-ответственные посты в коммунистической партии. Но с самого начала новая организация наткнулась на серьезные препятствия. Из нее вышла вся социалистическая молодежь Фландрии и федерация Боринажа. Несмотря на то, что одновременно состоялось вовлечение в ряды «Молодой Гвардии» и детской организации «Красных Соколов», и объединенной студенческой организации, она вышла из объединения организационно и численно ослабленной. Годовой опыт

В ПАРИЖЕ Отдельные №№ «Соц. Вестника» можно получить в следующих киосках Г А Ш Е Т Т:

- 1) LIBRAIRIE 2, rue de Sèze.
- 2) 12, bd des Capucines.
- 3) 28, bd des Capucines.
- 4) 4, bd de la Madeleine.
- 5) 41, bd des Capucines.
- 6) 11, bd des Capucines.
- 7) 56, av. des Champs-Élysées.
- 8) 150, av. des Champs-Élysées.
- 9) Pl. de l'Étoile (côté Friedland).
- 10) Pl. de l'Étoile (côté Wagram).
- 11) 2, bd des Italiens.
- 12) 36, bd des Italiens.
- 13) 2, bd des Capucines.
- 14) 2, bd Montmartre.
- 15) 20, bd Montmartre.
- 16) 8, bd Bonne-Nouvelle.
- 17) 15, pl. de la République.
- 18) 3, pl. Saint-Michel.
- 19) 7, bd Saint-Michel.
- 20) 47, bd Saint-Michel.
- 21) 63, bd Saint-Michel.
- 22) BOURRELIER, 101, bd Montparnasse.
- 23) HACHETTE, av. des Champs-Élysées.
- 24) Pl. Pigalle.
- 25) 1, av. Victor-Hugo.

Кроме того отдельные №№ продаются в конторе журнала от 10 до 12 ч.) и в крупн. русск. книжн. магазинах Парижа.

единства тоже не дал ожидавшихся результатов. Ряд организаций и видных руководителей движения вышли из этого опыта определенными противниками совместной работы с коммунистами. Это и придало партии решимость поставить вопрос ребром. Она предложила «Молодой Гвардии» принять контроль, делегируемый партией, не допускать принадлежности ее членов к компартии и т. п. В противном случае партия грозила распустить «М. Г.» и создать на ее место новую организацию социалистической молодежи.

«М. Г.», со включением выходцев из коммунистического союза молодежи, приняла эти условия. Съезду оставалось лишь утвердить договор. Но он внес в него еще одно условие, а именно, что «руководство движением «М. Г.» должно принадлежать исключительно молодым социалистам». Финалом, позволяющим судить о намерениях коммунистов, явилось постановление Ц. К. коммунистической партии, призывающее своих членов в «М. Г.» «принести наивысшую жертву делу объединения молодежи и отказаться от принадлежности к коммунистической партии»...

В. И.

ПО РОССИИ

СУМЕРКИ СОВНАРКОМА СССР.

Если на минуту представить себе, что в Советском Союзе действительно существует сколько-нибудь демократическая конституция и попытаться соответственно выразить в европейских политических терминах то, что происходит в течение последних месяцев в Совнаркоме СССР, следовало бы назвать эту лихорадочную и непрекращающуюся смену лиц в составе советского правительства каким-то своеобразным и чрезвычайно затянувшимся **правительственным кризисом**.

Первые предвестники этого «кризиса» обнаружались вскоре после прошлогоднего процесса Зиновьева-Каменева: в конце сентября был отстранен от должности (и несколько недель спустя арестован) Наркомсвязи Рыков и заменен Ягодой, который в свою очередь был заменен на посту Наркомвнудела и начальника ГПУ Ежовым. Но никто, кажется, не отдавал себе в это время отчета в том, что здесь начинается новая полоса в жизни Совнаркома, и «Правда», сообщая 27-го сентября о состоявшихся переменах, напечатала не только портрет только что вознесенного на высоту Ежова, но рядом с ним и портрет... нового Наркомсвязи Ягоды!

Прошло однако немного месяцев, и картина приняла гораздо более отчетливые очертания. В январе был инсцени-

рован процесс Радека-Пятакова-Сокольников. В противоположность процессу Зиновьева-Каменева на этот раз на скамье подсудимых сидели уже не бывшие, давно повергнутые во прах сановники, а люди, еще вчера занимавшие очень высокие посты, а **Пятаков** еще формально и во время процесса числился 1-ым заместителем Наркомтяжпрома. Рука палача властно застучала в двери, ведущие в зал заседаний советского правительства.

После казни Пятакова события не заставили себя ждать. В начале апреля пал **Ягода**, «отрешенный» от должности «в виду обнаруженных должностных преступлений уголовного характера»; «дело о Ягоде передано следственным властям» («Правда» от 4-го апреля; в дальнейшем мы не упоминаем каждый раз, что сведения о сообщаемых фактах заимствованы из «Правды» и приводим лишь даты соответственных номеров «Правды»). Его преемником явился **Халепский**. Его власть оказалась однако непродолжительной: в середине августа Халепский был отстранен от должности и заменен молодым Ежовским выучеником **Берманом** (17-го августа). Злополучный Наркомат Связи, в котором столько лет «орудовали враги» (расстрелянный по процессу Зиновьева - Каменева **Смирнов**, **Рыков**, **Ягода**, может быть, к «врагам» причислен уже и **Халепский**), наконец-то перешел в верные руки.

За это время произошел ряд других, частью очень значительных перемен. В конце марта 1-ый заместитель **Наркоминдела Крестинский** переведен на должность Замнаркомюста (29-го марта). Фиктивный характер этого нового назначения подчеркивался уже тем фактом, что всего за две недели до того 1-ым и, как в дальнейшем выяснилось, действительным заместителем Наркомюста был назначен **Грановский** (14-го марта). С тех пор Крестинский исчез с горизонта; по проникшим в европейскую печать сведениям, о которых из Москвы — по ставшей традиционной официальной формуле — сообщалось, что сведения эти «не подтверждаются, но и не опровергаются», Крестинский в середине лета арестован. Еще значительно были перемены в **Наркомобороне**: самоубийство заместителя Наркообороны по политической части **Гамарника** и расстрел 1-го заместителя Наркомобороны **Тухачевского** еще у всех в памяти. В других Наркоматах дело уже не ограничилось замнаркоматами.

В **Наркомсовхозе** пал весной нарком **Калманович** (12-го апреля); но и его преемник **Демченко** оказался едва ли счастливее: прошло три месяца, и газеты сообщили о назначении на пост Наркомсовхоза **Юркина** (23-го июля). Тот факт, что о снятии с поста Демченко при этом даже не упоминалось, носил явно угрожающий для Демченко характер: по видимому, Демченко был не только отстранен от должности, но одновременно и арестован.

В **Наркомвнешторге** воцарилось просто какое-то безначалие: **Розенгольц** еще более четырех месяцев назад снят с поста Наркома (16-го июня), но о назначении на его место нового наркома до сих пор ничего не сообщалось. Да и с замнаркоматами в этом наркомате творится что-то странное: начиная с весны назначены в разное время 4 замнаркомвнешторга и сняты с постов двое, в том числе совсем только что освобожден от должности заместитель наркома **Судьин** (17-го октября), награжденный в начале года в каком-то исключительном и демонстративном порядке орденом **Ленина** (см. «Правду» от 24-го января).

В **Наркомздраве** гроза над головой наркома начала собираться еще весной: **Каминский**, состоявший одновременно Наркомздравом СССР и РСФСР, освобожден в марте от должности по РСФСР (16-го марта), но продолжал руководить здравоохранением в СССР. Но вот в начале августа назначается Наркомздравом СССР **Болдырев** (3-го августа), причем на этот раз, как и в случае с Наркомсовхозов **Демченко**, имя отстраняемого от должности наркома даже не было упомянуто.

ТОВАРИЩ, ПРОЧИТАВ, ПЕРЕДАЙ ДРУГОМУ

В **Наркомфине** долго вершил и правил **Гринько**; но вот и его смела волна, и он должен был уступить пост Наркомфина **Чубарю** (17-го августа).

На **Наркомлегпром** в течение последнего года сыпалось особенно много упреков. Финал: нарком **Любимов** и оба его заместителя отошли в небытие (8-го сентября). Во главе Наркомата поставлен **Шестаков**.

Темп событий явно начал нарастать. В течение первых трех недель октября осиротело несколько ведомств: **Нарком оборонной промышленности Рухимович** заменен **Михаилом Кагановичем** (16-го октября); **Наркомвнуторг Вейцер** заменен **М. П. Смирновым** (18-го октября). Следует, может быть, упомянуть в этой же связи и падение **Наркомпроса РСФСР Бубнова** (13-го октября), игравшего фактически роль министра просвещения СССР (при отсутствии всесоюзного наркомата просвещения). Наконец, в октябре же произошла смена руководства **Комитета по заготовкам** сельско-хозяйственных продуктов при СНК СССР, председатель которого пользуется правами наркома и входит в состав Совнаркома СССР: 6-го октября газеты сообщили о назначении на должность председателя Комитета по заготовкам **Ф. А. Кольцова**; имя его предшественника **Клейнера** при этом даже не было упомянуто.

Тучи все гуще скопляются и над несколькими другими наркоматами: судя по тону газетных статей и заметок непосредственно угрожаемыми можно считать прежде всего Наркома водного транспорта **Пахомова**, наркома земледелия **Чернова**, и, может быть, Наркомюста **Крыленко**. Да и недавнее освобождение **Крыленко** от должности Наркомюста РСФСР (16-го сентября), которую он занимал по совместительству с должностью Наркомюста СССР, слишком напоминает историю заката Наркомздрова **Каминского**.

В приведенной выше сводке случаи смещения и назначения замнаркомов приведены лишь для нескольких наркоматов. Замнаркомов было смещено и назначено за последний год такое множество, что об упоминании всех их в рамках этого отчета не может быть и речи. Достаточно сказать, что единственный наркомат, который не испытал на себе влияния этого поветрия, это молодой Наркомат машиностроения; но ведь и существует он всего едва два месяца.

Замещение освобождающихся высших должностей уже начинает наталкиваться на трудности. Мы уже видели, как в течение месяцев остается вакантной должность Наркомвнеш-

“ DER KAMPF ” INTERNATIONALE REVUE

выходит в расширенном виде — 48 страниц вместо 32 страниц. Статьи по проблемам международной политики и экономики и социалистического движения. Постоянные обозрения (мировая политика, международный социализм, профессиональное движение, Советский Союз). Библиография. Обзор журналов.

Редактор: Otto BAUER.

Цена отдельного номера 4 франка, подписная плата на год 40 франков.

Генеральное представительство для Франции:
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК.

ПОМНИТЕ О СТРАШНОЙ НУЖДЕ ССЫЛЬНЫХ И ЗАКЛЮЧЕННЫХ

торга. В Наркомате обороны после самоубийства Гамарника должность заместителя наркома по политической части в течение четырех месяцев оставалась незаполненной, и лишь 30-го сентября газеты сообщили о назначении на эту должность **Н. А. Смирнова**. Но особенно трудным оказалось положение с заместителями председателя СНК. Должность Зампредсовнаркома по сложившейся традиции, нашедшей свое отражение и в ст. 70 конституции, носит самостоятельный характер и до сих пор, кажется, еще никогда не совмещалась с руководством тем или иным наркоматом. К началу года в составе СНК СССР было три зампреда: **Межлаук**, **Рудзук** и **Чубарь**. Но после смерти Орджоникидзе Межлаук был назначен на пост Наркомтяжпрома и одновременно освобожден от обязанностей Зампредсовнаркома (26-го февраля). А **Рудзук** вскоре впал в немилость и пропал бесследно. Остался один **Чубарь**. Выход был найден в назначении **Микояна**. Зампредом СНК с оставлением в должности Наркомпищпрома (23-го июля). А когда вскоре после этого **Чубарь** был назначен на должность Наркомфина, он принял эту должность опять-таки по совместительству с должностью Зампреда СНК.

Кризис правительства СССР достиг, повидимому, своего кульминационного пункта.

С. Ш.

ИЗДАНИЯ, ПОСТУПИВШИЕ В РЕДАКЦИЮ.

International Review, Vol. 2. N° 7.

I. Byrdin. Práce a pracující. Uvod ke kritice zasad teorie K. Marxe. Praha, 1937.

Le Parti Communiste Internationaliste (4e Internationale). Que vas-tu faire? Lettre à l'ouvrier métallurgiste.

Que faire? N° 34.

Prométhée, N° 127, 128-129.

Neuer Weg, N° 4.

Delnicka Osveta, N° 7.

La Révolution Proletarienne, N° 257.

Independent News. Service de Presse hebdomadaire du Bureau d'Informations Franco-Britanniques, N° 7 et 8.

« *Amis de la Vérité sur l'U.R.S.S.* ». Ouvriers et Paysans en U.R.S.S. Articles de B. Souvarine : 1 franc.

Deutschland-Berichte der Sopade, N° 8-9.

Bulletin du Bureau de Presse Ukrainien, N° 25-26.

La Fédération des Sociétés Ouvrières de Gymnastique Tchécoslovaques. Son développement et son importance.

Internationaler Nachrichtendienst der Tschechoslowakischen Sozialdemokratischen Arbeiterpartei. Septembre-octobre 1937.

Paix, Justice, Liberté. Série B., N° 2. Responsable : Jean Bassanesie, Nice.

Die Revolution. Organ der Revolutionären Sozialisten Oesterreichs, Octobre 1937.

Новая Россия, № 34.

Информационный Бюллетень НКТ и ИФА. Барселона. 1937. № 18.

Знамя России, № 10 (98).

Оборонческое Движение, № 6.

Le Gérant : Paul Collette

Через контору

„Социалистического Вестника“
можно приобрести

старые русские революцион. и социалистические

**ЖУРНАЛЫ, ГАЗЕТЫ,
СБОРНИКИ, КНИГИ,
ЛИСТКИ, ПРОКЛАМАЦИИ**

ИЗДАНИЯ, выходившие легально в гг. 1905—1907,
1911—1914 и в 1917—1918

ИЗДАНИЯ, выходившие за-границей для пропа-
ганды в России

Брошюры Плеханова, Аксельрода, Мартова, Ленина,
Троцкого, Дана и др.

Газеты „Искра“, „Социал-Демократ“, „Пролетарий“, „Последние Известия“ и др.

Протоколы съездов и конференций.

Революционные издания на украинском, еврейском,
грузинском и армянском языках.

Журналы и газеты имеются полными
комплектами и отдельными номерами

Для просмотра списков и с запросами обращаться :

“LE COURRIER SOCIALISTE”
141, Rue Broca, bat. 11, PARIS (XIIIe)

„Мировой Большевизм“ по-французски :

Jules MARTOV

“LE BOLCHEVISME MONDIAL”

Préface de Jean LEBAS Introduction de Th. DAN

Sté d'Éditions «Nouveau Prométhée, Paris 1934.

176 pages. Prix 8.—Frs.

С заказами обращаться в контору « Соц. Вестника »

Imp. « Union », 13, rue Méchain, Paris